
Тесля А. А. Основоположения теории Н. К. Михайловского : формирование «субъективной социологии», конец 1860-х – середина 1870-х годов // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 55–78.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО**

ФОРМИРОВАНИЕ «СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ»,
КОНЕЦ 1860-Х – СЕРЕДИНА 1870-Х ГОДОВ

Получено: 29.05.2021. Рецензировано: 15.06.2021. Принято: 15.06.2021.

Аннотация: Николай Константинович Михайловский (1842–1904) — один из наиболее известных и влиятельных русских публицистов последней трети XIX – начала XX века, идеолог народничества, автор концепции, известной как «субъективная социология», в конце жизни — редактор журнала «Русское Богатство». При этом если его роль в истории русского общественного движения или литературно-эстетические взгляды изучены достаточно полно, то его общественная теория на протяжении последнего столетия редко становилась предметом специального анализа. С одной стороны, она оказывалась в тени теорий, появившихся ранее и имевших большое, в том числе и далеко выходящее за пределы Российской империи, значение, таких как построения Герцена, Бакунина, Чернышевского и Лаврова, с другой — подвергнутый сокрушительной критике со стороны российских социал-демократов в 1894–1901 гг., Михайловский воспринимался как фигура в теоретическом плане достаточно слабая. В данной статье мы демонстрируем существенные отличия ранних теоретических построений Михайловского и П. Л. Лаврова и утверждаем принципиальное влияние на построение концепции первого осмысления дарвинизма с точки зрения как понимания природы, так и выводов для социальной теории. В отличие от Лаврова Михайловскому присуще — сближающее его с Герценом — нетелеологическое понимание «прогресса» и интерпретация истории как закономерной, но свободной от жесткой детерминированности. В итоге взгляды Михайловского на общество, сложившиеся в конце 1860-х – первой половине 1870-х гг., предстают как вполне последовательная и продуманная система, ответ на теоретические вызовы со стороны, во-первых, дарвинизма и попыток его непосредственного приложения к анализу общества, во-вторых — в тесной взаимосвязи с первым, — органицистских теорий общества. В заключение дается интерпретация упадка интереса к общественной теории Михайловского в конце XIX – нач. XX века.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Ключевые слова: дарвинизм, народничество, органицизм, субъективная социология, теория прогресса, социал-дарвинизм, история русской социологии.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-55-78.

В. В. Блохин, автор последней на данный момент биографии Н. К. Михайловского, отмечает, что не претендующая на исчерпывающую полноту библиография, включающая работы, непосредственно посвященные Николаю Константиновичу, насчитывает свыше 600 наименований (Блохин, 2019: 10). Однако подробное рассмотрение этой библиографии сразу же снижает оптимизм, поскольку значительная доля этих работ относится ко времени самого Михайловского, являясь полемическими откликами, обзорами и т. п., а другая существенная часть посвящена обсуждению его наследия в годы, непосредственно следующие за его кончиной, и представляет собой опыты переосмысления «народнической» доктрины в ситуации 1905 и последующих лет, где наиболее ярким и значительным оказывается попытка Иванова-Разумника сформулировать нео-народничество как доктрину, продолжающую прослеживаемую им логику преемственности от Герцена к Лаврову и от Лаврова к Михайловскому (Иванов-Разумник, 1997: 228).

При этом в теоретическом плане Михайловский оказался в довольно своеобразном положении: «властитель умов» в 1870–1880-е гг., к началу 1890-х гг. завоевавший среди «демократической интеллигенции» — пользуясь языком ближайшей к событиям эпохи — авторитет, близкий к безоговорочному¹, он именно как теоретик оказывается главным объектом полемического наступления со стороны русских социал-демократов

¹Приведем в качестве любопытной детали фрагмент справки, составленной Петербургским отделением департамента полиции о чествовании Михайловского в ознаменование сорокалетия его литературной деятельности осенью 1900 г.: «Устроители чествования [ими были от лица „Союза писателей“ Н. И. Кареев и Л. Ф. Пантелеев — А. Т.] стараются придать ему выдающееся общественное значение и, воспользовавшись случаем, устроить под видом собраний для обсуждения формы чествования... рассуждения по общественно-политическим вопросам, нечто вроде праздника русской оппозиции, и тем самым дать новый и сильный толчок жизнедеятельности русских оппозиционных и революционных элементов» (цит. по: Люблинский, 1988: 21–22). Об отношении современников к Михайловскому говорят не только многочисленные прямые воспоминания, например, Ольнем-Цеховской, говорившей, что для Е. Н. Водовозовой, известной деятельницы русского женского движения, издательницы просветительских книг, первым браком бывшей замужем за известным педагогом В. В. Водовозым, а вторым — за историком В. И. Семевским, Михайловский был «властителем дум» (там же: 10). Еще более выразительны суждения оппонентов: так, в «Опавших листьях» Розанов язвил: «К „Николаю Константиновичу“ на зимнего и весеннего Николу (праздновал именины два раза в год) съезжались не только из Петербурга, но и из Москвы литераторы; из Москвы специально поздравить приезжал Максим Горький (как-то писали), и курсистки — с букетами, и студенты — долж-

после кризиса русского народничества 1891–1892 гг. В итоге к концу своей интеллектуальной карьеры Михайловский преимущественно сохраняет авторитет морального наставника, хранителя «наследия 60–70-х гг.», утратив значительную часть прежнего собственно теоретического обаяния и влияния. В 1919 г. Ю.О. Мартов (Цедербаум) вспоминал о настроениях 1895 г., времени первого масштабного наступления на взгляды Михайловского со стороны русских социал-демократов² (Мартов, 2004: 171):

Последнего, по наивности, публика считала не только хорошим радикалом и метким критиком, но и крупным теоретическим мыслителем.

К тому времени, когда писались воспоминания, теоретическое обаяние Михайловского сильно потускнело: вслед за огромным успехом при жизни Михайловский после смерти довольно скоро оказался в положении автора «второго плана». В «зрелой» советской историографии с середины 50-х годов его роль определялась общей схемой истории революционного процесса: соответственно, если для первых теоретиков «русского социализма» и ранних «народников» было отведено достойное место «предшественников», то Михайловский оказывался ценим прежде всего как участник революционного движения 1870-х гг., близостью

но быть, пролететь свою „оппозицию“ и „поздравление“, и он раздавал свои порицания и похвалы, как возводил в чин и низвергал из чинов» (Розанов, 1990: 289).

Позволим себе сопоставить это с откликом, относящимся к последним годам публицистической деятельности Михайловского, в котором Розанов, полемизировавший с ним с 1891 г., старательно пытался доказать утрату им актуальности: «Михайловский перестал интересно писать, потерял интересное содержание. Бессодержательность – вот грех его писаний... А неинтересен он потому, что все время своей литературной деятельности занимался „второстепенными частями предложения“, т. е. вообще обстоятельствами жизни, литературы, да и каждого частного предмета своего суждения – побочными, не главными. Он сам не умел „возглавить“ себя...» (Розанов, 1999: 231 — фельетон опубликован в «Новом Времени», 1 сентября 1902 г.)

Общий очерк роли Михайловского в русском «народничестве», понимаемом как широкое общественное движение, можно найти в работе: Billington, 1958.

²Напомним, что в 1894 г. вышли «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» П. Б. Струве (Струве, 2020), а в 1895 г. усилиями А. Н. Потресова в России был опубликован под псевдонимом «Н. Бельтов» памфлет Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Ответ гг. Михайловскому, Карееву и Ко» [примечательно, что первоначально — когда Плеханов не рассчитывал на возможность подцензурного издания и планировал печатать сочинение за границей — рабочим заголовком были «Наши разногласия — II» или «Наши разногласия. Вып. 2», то есть устанавливалась прямая преемственность программной книге группы «Освобождение труда», вышедшей в 1885 г., — см.: Плеханов, 1937].

к «Народной воле»³ — большая же часть его теоретическая деятельность оказывалась в пренебрежении как предмет полемики со стороны становящейся, а затем набирающей силу русской социал-демократии⁴. Примечательно, что и в западноевропейской историографии он оказывался во многом заслонен более крупными предшествующими фигурами: в теоретическом плане он выступал как поздний и к тому же подцензурный представитель плеяды теоретиков, от Герцена и Чернышевского до Бакунина и Лаврова, а затем фокус уже смещался на попытки непосредственного революционного действия и интерес собственно к народолюбивому, как это можно видеть, например, в блистательном и до сих пор сохраняющем интерес исследовании Франко Вентури (Venturi, 1952; Venturi, Haskell, 1961).

Обосновывать интерес к фигуре Михайловского с точки зрения его места и значения в истории русской общественной мысли — избыточно, более того, собственно исторический интерес к его фигуре переживает в последние некоторое оживление⁵. Нашей целью, однако, является отнюдь не общее рассмотрение воззрений Михайловского — что может

³Закономерно, что одно из немногих исследований советского периода, специально посвященное Михайловскому-теоретику, оказывается сфокусировано именно на периоде 1870 — нач. 80-х гг., при этом оно трактует Михайловского прежде всего как революционера — см.: Виленская, 1979. Классическим советским исследованием «народничества» 1870-х является монография: Интеберг, 1965.

⁴См., напр., характерную для советской историографии трактовку воззрений Михайловского: Щипанов, 1983: 185–226.

⁵См., в частности, работы В. В. Блохина (Блохин, 2004а; Блохин, 2004б; Блохин, 2019) и приведенную в них библиографию. Рост интереса к Михайловскому — как и в целом к различным вариантам не-большевистского социализма — обнаруживался в отечественной историографии уже с конца 1960-х и стал явным в конце 1980-х гг., чтобы затем, с конца 1990-х, пойти на спад и маргинализироваться. Для литературы этого времени, конца 1980-х — 1990-х, характерна логика поиска «актуального» в воззрениях предшественников, «упущенных альтернатив» и т. п., которая не отличается по существу от интереса к альтернативным течениям в рамках большевистской доктрины (Богданов, Бухарин и т. д.); этим во многом обусловлены и весомые собственно исторические недостатки, отличающие даже лучшие работы тех лет, прежде всего распространенность анахронизмов и публицистичность. Предсказуемым образом многие из них продолжают прежние образцы «партийной историографии» с переменной / корректировкой оценок. Для историографии же 2000–2010-х гг. характерно ослабление интереса к истории русского социализма / радикализма XIX века (чего никоим образом нельзя сказать об истории первых десятилетий XX века) и в особенности — к изучению теоретического наследия соответствующих направлений. Характеризуя положение вещей, достаточно заметить, что после работ Н. М. Пирумовой (Пирумова, 1990) не появилось ни одного обобщающего исследования, например, идей М. А. Бакунина, а последняя попытка систематического изложения жизни и идей А. И. Герцена периода эмиграции принадлежит Е. Н. Дрыжа-

быть осуществлено лишь в рамках большого монографического исследования, — а характеристика основных начал его теоретических воззрений конца 1860-х — первой половины 1870-х годов. Хронологические рамки исследования определяются тем соображением, что именно в этот период формулируются основные положения его теории. По времени вступления на публицистическую арену Михайловский принадлежит к поколению шестидесятников: он активно печатается уже в начале 1860-х годов (правда, представляя в середине десятилетия свой будущий путь как лежащий в адвокатуру) — воспоминания молодых лет во многом нашли отражение в серии очерков «Вперемешку», переработанных из оставшегося неопубликованным автобиографического романа⁶. Но при этом, как и его коллега по «Отечественным запискам» А. М. Скабичевский, в 1860-е он находится во втором-третьем ряду литературы⁷ в отличие от таких своих сверстников, как Писарев или Зайцев (первый родился в 1840 г., а с Зайцевым, родившимся в 1842, Михайловский был одногодкой).

Выводит его на передний план существенная переконфигурация отечественного публицистического пространства, которая пришлась на время после каракозовского выстрела: после того, как в 1866 г. были закрыты «Современник» и «Русское Слово», а Писарев и Зайцев еще ранее ушли из последнего журнала, ситуация в отечественной публицистике изменилась. В 1868 г. возникает в результате соглашения Краевского с Некрасовым новая редакция «Отечественных записок», которая никак не является преемницей «Современника» последних лет, теперь ядро редакции образуют, помимо Некрасова, Салтыков и Елисеев, до своей случайной гибели критиком «Отечественных записок» становится Писарев, тогда как А. Н. Пыпин, М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский оказываются вовне, вскоре предприняв недолговечную попытку собственного издания, альтернативного «Отечественным запискам».

Здесь значимы не конкретные персональные перемены, а характерная смена направления: Пыпин вскоре окажется одним из ведущих сотрудников «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, Жуковский предпримет издание «Космоса», долженствующего продолжать естественнонаучную

ковой, чья монография вышла в 1999 г., а предшествующая, скорее очеркового плана, принадлежит уже упомянутой выше Пирумовой (Дрыжакова, 1999; Пирумова, 1989).

⁶О взглядах Михайловского 1860-х гг. см.: Макаров, 1972.

⁷См. характерное описание этих лет и первых лет новой (некрасовской) редакции «Отечественных записок»: Скабичевский, 2001: 277 и сл. Общий очерк истории журнала тех лет см.: Теплинский, 1966.

программу «Современника» 1863–1866 гг., а сотрудничавший у Г. Е. Благосветлова Михайловский окажется уже в 1869 г. одним из ведущих авторов «Отечественных Записок» (на страницах которых в 1869–1870 гг. появится целый ряд статей П. Л. Лаврова). Произойдет не только уход со сцены целого ряда ключевых авторов 1860-х гг.⁸, но и пересмотр целого ряда ключевых для радикалов шестидесятых годов положений. В 1869–1870 гг. появятся на страницах «Недели» «Исторические письма» Лаврова⁹, а с 1869 по 1876 гг. выйдут основные теоретические статьи Михайловского, затем наступит длительная пауза, и уже с начала 1880-х Михайловский предпримет пересмотр и корректировку своих воззрений, попытку придать им новую целостную форму¹⁰.

Напомним, что русские 1860-е — как во многом и западноевропейские 1860-е — проходят под знаком «биологизма», выступающего как часть более широкого феномена ориентации на естественно-научное знание и восприятие его не только как модели/идеала построения научного

⁸По разным обстоятельствам, начиная с эмиграции В. Зайцева или гибели Писарева, вплоть до стремительной утраты влияния, как в случае Антоновича, который будет продолжать свою литературную деятельность практически до кончины в 1918 г., о чем его бывший коллега по «Современнику» Г. З. Елисеев будет с удивлением информировать другого сотрудника «Современника» 1862–1864 гг. М.Е. Салтыкова (письмо от 20.II (1.IV) 1876, СПб): «Недавно я узнал, что Антонович несколько месяцев состоит корреспондентом „Тифлисского вестника“ и помещает там статьи о Петербургской литературе. Должно быть, очень любопытные. Мне обещают доставить несколько номеров этой газеты с его корреспонденциями» (Елисеев, 1935: 39).

⁹Н. С. Русанов вспоминал: «„Исторические письма“ скоро сделались и были настольной книгой, евангелием молодежи в течение всех 70-х гг. [...] Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное „Историческими письмами“! Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчики не расставались с небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой в конец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватывавшего нас безмерною жаждою жить для благородных идей и умереть за них... И как радостно трепетали наши сердца, в каком величии восставал перед нами образ лично незнакомого, но родного нашей мысли, далекого материально, но близкого нам духом учения „доброе учителя“, призывавшего нас к бескорыстной борьбе за убеждения» (цит. по: Евгеньев-Максимов, 1927: 145).

¹⁰Во 2-м собрании сочинений Михайловского (1896–1897) эти работы сгруппированы вполне отчетливо самим автором, где труды 1880-х гг. по вопросам социальной теории вошли во 2-й том, вместе с retractionis уже начала 1890 (статьями «Еще о героях» 1891 г. и «Еще о толпе» 1893 г.). В качестве характерного следующего этапа развития теории можно, на наш взгляд, назвать одновременно и подводящий итоги, и являющийся полемическим ответом на текущую критику труд «Литературные воспоминания и современная смута», вышедший книжным изданием в 1900 г.

знания в других областях, но и зачастую своеобразного редукционизма — объяснения как индивидуального поведения, так и социальных процессов путем непосредственного сведения их к естественным. Натуралистическое объяснение мыслится по существу достаточным, а его ограниченность носит ситуативный характер, связанный с недостатком данных, неразработанностью теорий — все это предполагается устранить уже в ближайшей перспективе, основания к чему дает быстрый прогресс естественных наук.

«Реализм» воспринимается как трезвый, свободный от иллюзий и одновременно освобождающий взгляд на мир: пафос «реалистов» Писарева здесь оказывается близок пафосу Чернышевского — прежде всего как освобождение от «предрассудков».

Рациональное и свободное устройство жизни мыслится не просто не противоречащими друг другу, а формулирующими одно и то же устремление. «Новые люди» у Чернышевского следуют своей природе, что во многом свидетельствует о его наследовании руссоистскому видению, которое будет (но в существенно иной интерпретации) значимо и для Михайловского, понимавшего наличный порядок вещей как искусственный, уродующий/искажающий. «Разумный эгоизм» оказывается отличим от альтруизма именно тем, что последний является чувством, к тому же противным природе, велящим в первую очередь любить себя и заботиться о своих интересах¹¹. Здесь разумное совпадает с естественным,

¹¹Примечателен относящийся уже к середине 1870-х спор Михайловского с С. Н. Южиковым, который в первых «Социологических этюдах», принесших ему известность, настаивал, что единственной целью и единственным критерием является истина, в этом плане продолжая линию 1860-х, тогда как Михайловский отмечал, что, например, научное знание или техническое изобретение само по себе никак не определяет и не ограничивает формы и способы своего применения. В свете последующих дискуссий о технике и проблематичности связи науки и этики показательны приводимые Михайловским в ответ Южакову примеры работ Бэна и Гаутона, переводы которых появились в журнале «Знание», где публиковались и «Социологические этюды» Южакова. В статье Бэна Михайловский обращает внимание на рассуждение по поводу наиболее эффективного наказания преступников, для чего использовалась «тяжелая мускульная работа... и сечение», единственная цель которых — «вызвать страдание нервов». Бэн в свою очередь предлагает заменить эти способы, как причиняющие вред «промежуточным тканям», разрядами электрического тока: тогда заключенный будет испытывать страдание, при этом без повреждения мускулов, кожи и т. д. Гаутон со своей стороны, занимаясь вопросами приложения математики к анатомии, рассчитывает, с какой высоты по отношению к росту и массе тела казнимого, следует сбрасывать его тело при повешении. Полемизируя с «шестидесятичной» логикой Южакова, видящего естественную науку саму по себе как «демократическую», Михайловский пишет: «Вот два проекта двух светил науки. Они очень ярко и наглядно обрисовывают роль технических приложений естественных наук.

а и то и другое одинаково оказывается включено в единую логику прогрессивного развития.

Пожалуй, самое оригинальное и необычное в линии русской мысли, идущей от Герцена к Лаврову и Михайловскому, — с учетом масштаба ее влияния и значимости — это преодоление «*прогрессистской*» логики. Если относительно Лаврова данное суждение требует существенных оговорок, то теоретическая оптика Герцена и Михайловского оказывается принципиально свободна от телеологизма. Историческое развитие само по себе предстает для Герцена и Михайловского как не имеющее предустановленной цели и не несущее благо человечеству. Ожидание от хода времени *самого по себе* некоей «благой перемены» в теоретическом видении Михайловского отсутствует — здесь тем самым разрыв по отношению не только к *шестидесятым*, но и к последующим теоретикам уже рубежа веков.

Правда, следует сделать принципиальную оговорку по поводу *шестидесятых*: присущее им «прогрессистское» видение, соединяющее природу и историю, непосредственно выводящее этическое из биологического, не столько вытекает из теорий, вырабатываемых, разделяемых и распространяемых шестидесятниками, сколько является мироощущением, порождающим «силлогизм», спародированный Вл. Соловьевым (Соловьев, 1914: 271):

[...] В этих двух проектах естествознание играет роль советника и исполнителя велений официальных представителей данной общественной комбинации. [...] Как организм человека, принимая самую разнообразную пищу, ассимилирует из нее только то, что может идти на потребу именно той форме жизни, которая называется человеческим организмом, так и всякая данная форма общественных отношений стремится вытянуть все *ей* подходящее из любой умственной пищи, претворить эту пищу в *свою* плоть и кровь, выбрасывая неперевариваемое *ею*. Значит, с этой стороны нечего и рассуждать о демократичности естествознания. Может быть, блистательные научные открытия и исследования XIX века, заменившись на звонкую монету технических приложений, и будут служить укреплению демократических начал, но это будет зависеть не от них, а от формы общественных отношений, в которой произойдет размен. Она наложит на них свое клеймо и перечекает старую монету» (Михайловский, 1896–1897: Т. 3, 290, 293, апрель 1875).

Здесь можно видеть и типичное для Михайловского противопоставление двух порядков, в данном случае научного знания и его практического приложения, где наука позитивистски мыслится как нейтральная в отличие от личности самого исследователя и общественной ситуации. Собственно, для Михайловского в рамках этого видения теоретическим вызовом станет осмысление именно «социологии», где ответ будет дан в той же логике — приложения, осмысления результатов социального исследования с точки зрения практических последствий.

...нет ничего кроме материи и силы; борьба за существование произвела сначала птеродактилей, а потом плешивую обезьяну, из которой выродились и люди: итак, всякий да полагает душу свою за други своя¹².

На первый взгляд, утверждение Михайловского о свободе от «прогрессистских» воззрений может показаться парадоксальным, хотя бы в силу того, что с именем Михайловского связана прежде всего известная «формула прогресса», а самой известной его статьей или, по крайней мере, одной из наиболее известных считается «Что такое прогресс?» (Михайловский, 1896–1897: Т. 2, 1–150, [1869]). И здесь следует остановиться на соотношении воззрений Михайловского конца 1860-х — начала 1870-х с ключевыми положениями «Исторических писем» Лаврова.

Теоретическая и социально-политическая связь Михайловского с Лавровым, зависимость первого от второго является общепризнанной — настолько, что зачастую стирает своеобразие Михайловского. Основные линии, связывающие двух мыслителей, образуются, во-первых, учением о «долге перед народом», во-вторых, учением о тех, кому этот долг надлежит отдать, — «критически мыслящих личностях», в-третьих — аграрным социализмом. Все это, правда, в первую очередь элементы именно общественно-политические, но и в плане собственно теоретическом близость Михайловского к Лаврову очевидна. Это и разделение в целом позитивистского подхода, и представление об историческом процессе как о лишенном жесткой, однозначной детерминации — то есть отрицание исторического фатализма, — и, собственно, главное — представление об автономии этического, невозможности свести порядок должного к сущему или однозначно вывести первое из второго, противостояние натуралистическим концепциям этики.

Эта близость приводит к тому, что в совсем огрубленном виде Михайловский рассматривается, например, Покровским как «последователь

¹²В той же небольшой статье, посвященной одному из виднейших русских позитивистов В. В. Лесевичу, Вл. Соловьев отмечает наряду с его вкладом и вклад Михайловского в «возрождение того разумного скептицизма, которого общее правило состоит в том, чтобы ничего не предрешать и все исследовать. Это есть, несомненно, первое элементарное условие истинной философии, и если в России разовьется правильное философское образование, то первая заслуга в этом деле принадлежит тем писателям, которые, не удовлетворившись господствующею догматикою „Kraft und Stoff“, перенесли на нашу почву и широко распространили идеи французского и английского позитивизма. Среди этих писателей г. Лесевич занимает видное место рядом с гг. Михайловским и Де-Роберти» (Соловьев, 1914: 273).

Лаврова, миссия которого состояла в том, чтобы распространять „основные мысли“ учителя» (Евгеньев-Максимов, 1927: 146), выход же его на передний план связывается с двумя обстоятельствами: во-первых, эмиграцией Лаврова и, во-вторых, неудачей «хождения в народ» и одновременно бакунинского бунтарства, которые поколебали авторитет «учителей» и представление о верности их тактики (там же). Не оспаривая эту интерпретацию, отметим, что она оставляет в тени различия в теоретической мысли, в первую очередь расценивая Лаврова и Михайловского как политических учителей. Преувеличенное представление о степени зависимости Михайловского от Лаврова приводит к своеобразным хронологическим смещениям: Шубин, излагая воззрения Михайловского, датирует «Исторические письма» Лаврова 1865 годом (Шубин, 2007: 244), «удревняя» их на три года: эта произвольная ошибка памяти тем характерна, что в итоге дает непротиворечивую картину, если исходить из глубокой зависимости младшего публициста от старшего, поскольку первые опубликованные развернутые изложения его теоретических воззрений относятся именно к 1869 г., т. е. de facto появляются практически синхронно с «Историческими письмами».

При всей близости воззрений с Лавровым Михайловский именно в первых больших статьях, опубликованных в «Отечественных записках», отчетливо проговаривает другую, существенно отличную от лавровской теоретическую перспективу. Напомним, что для Лаврова его учение о «критически мыслящих личностях» и представление о прогрессе тесно связаны (см. краткое изложение: Тесля, 2018: 207–209): большинство людей живет «бессознательной» жизнью, их существование определяется ближайшими целями поддержания собственного существования и воспроизводства. Однако историческое развитие дает возможность образования немногих способных критически отнестись к окружающей действительности, что создает вероятность изменений. По мере того как развивается история, число этих критически мыслящих личностей возрастает и одновременно они осознают свой долг перед лицом народа, за счет которого они получают возможность собственного развития. Идеалы, вынашиваемые критически мыслящими личностями, их усилия по общественному преобразованию, являются «субъективными»,

но чем лучше мы его [наш идеал — А. Т.] проверим критикой, тем больше вероятия, что он есть высший нравственный идеал, возможный в настоящую эпоху (Лавров, 1965: 291).

Таким образом, прогрессивное развитие нравственности получается за счет конкуренции, противоборства идеалов, а общая картина развития человеческой истории представляет несколько взаимосвязанных прогрессивно развивающихся рядов: научного знания, хозяйственной жизни, техники, нравственности.

Свою «социологию» Михайловский вырабатывал под влиянием Г. Спенсера и Ч. Дарвина (не считая О. Конта¹³). О значении Спенсера он сам писал в «Записках профана» (1875):

«Я лично... чрезвычайно многим обязан Спенсеру. Я прочитал его „Опыты“, когда мои взгляды на задачи, пределы и метод социологии еще не вполне определились, лучше сказать, не сложились в такой род, который представлял бы перспективу, заканчивающуюся истиной. Тут-то мне и помог Спенсер. По прочтении его опытов мне стало ясно: вот как *не следует* обращаться с социологическим материалом» (Михайловский, 1896–1897: Т. 3, 368).

Действительно, целый ряд основополагающих статей Михайловского, направленных на выработку его социальных воззрений и написанных в конце 1860-х – начале 1870-х, либо целиком, либо в значительной части посвящен полемике со Спенсером, где он выступает отрицательной отправной точкой. В этом ряду и программная для Михайловского статья «Что такое прогресс?» (1869 г., затем включавшаяся в собрания сочинений Михайловского в качестве открывающей 1-й том, выдержавшая и ряд отдельных изданий), и сопоставимая по известности работа 1872 г. «Что такое счастье?», с формальной точки зрения являющаяся развернутой рецензией на «Социальную статику» Спенсера, и несколько других значимых работ.

Однако критическое отношение к социологии Спенсера у Михайловского тесно связано с осмыслением им «Происхождения видов...» Дарвина — эта связь непосредственно представлена в подготовленных им самим собраниях сочинений, прежде всего в издании 1896–1897 гг., где вслед за открывающей 1-й том программной статьей «Что такое прогресс?» (1869) помещен цикл статей 1871–1873 гг. «Теория Дарвина и общественная наука» и следом — обширная, занявшая в свое

¹³Защите воззрений О. Конта и позитивистов посвящена отдельная статья Михайловского, вышедшая в 1870 г., «Суздальцы и суздальская критика» (Михайловский, 1896–1897: Т. 4, 69–136), сделавшая, отметим попутно, оборот «суздальская критика» широко распространенным в русской публицистике последующих десятилетий (в частности, у Плеханова этот оборот оказывается примененным уже к самому автору выражения).

время несколько номеров «Отечественных Записок» статья «Борьба за индивидуальность» (1875–1876)¹⁴.

Напомним, что теория Дарвина имела большой успех среди русской интеллигенции 1860-х гг.: дарвинизм активно пропагандировался, например, публицистами «Русского Слова». Однако в отличие от множества современников и даже ближайших потомков¹⁵ Михайловский сочетал в своем отношении к дарвинизму два обычно не сочетавшихся качества: во-первых, он верно понял предложенный Дарвином механизм «происхождения видов путем естественного отбора» и, во-вторых, принял данную интерпретацию как истинную.

При всей видимой простоте этих двух условий в интеллектуальных реалиях последней трети XIX века они редко соединялись: на практике либо дарвинизм интерпретировался как «теория прогресса», либо, как, например, в случае с видным отечественным критиком дарвинизма Н. Я. Данилевским, понимание предложенного Дарвином эволюционного механизма было адекватным, но оно становилось основанием для критики дарвиновской теории и попыток предложить иное объяснение, предполагающее телеологию.

Характерное неразличение специфики дарвиновской теории и иных эволюционных концепций можно видеть не только в сближении первой с построениями Спенсера, но и в утверждении последнего, что он фактически предвосхитил дарвиновский подход со своим учением о возрастающей дифференциации (в чем он скорее близок логике Ламарка, интерпретирующего развитие как следствие присущего всем организмам стремления к совершенствованию).

Для Михайловского теория Дарвина оказывается не учением о совершенствовании и прогрессе, а именно теорией происхождения и изменения видов, объяснением естественного порядка вещей без необходимости прибегать к телеологии и, с другой стороны, тем самым не только не ведущей автоматически ни к какому совершенному порядку вещей, но и не предполагающей, что следующие во времени виды будут более «совершенными», чем предшествующие. Из нее, согласно Михайловскому, следует лишь то, что эволюционным преимуществом обладают особи,

¹⁴Эта же структура издания была воспроизведена в 1-м томе посмертного «Полного собрания сочинений» (в 10 тт., из которых вышли только девять, 1–8 и 10й, включивший его публицистику 1860-х гг. — времен, предшествующих участию в «Отечественных Записках»).

¹⁵О восприятии и интерпретациях дарвинизма в 1860-е и последующие годы см.: Воронцов, 1999; Юнкер и Хоссфельд, Попов, 2007: гл. 3–5.

наилучшим образом приспособленные к наличному положению вещей, и при изменении условий прежние преимущества могут оказаться недостатками. Теория Дарвина избавляет от необходимости искать вовне (или внутри самих существ как скрытую «силу») нечто приводящее живые существа в «гармонию» с окружающей средой — просто те, кто был дисгармоничен, в конечном счете не оставили потомства.

Определяющим тем самым оказывается принцип соответствия среде, а не универсальному «совершенству». В одной из первых статей, где Михайловский формулирует свои теоретические взгляды и которая озаглавлена «Аналогический метод в общественной науке» (1869), он постулирует (Михайловский, 1896–1897: Т. 1, 390):

...в природе нет нравственности. Нравственное, значит, желательное; естественное, значит, необходимое, — это две различные категории. Человек обязан сочетать их для себя, но найти сочетание их в природе нельзя, а если бы было возможно, то природа оказалась бы глубоко безнравственною.

В этом смысле в рамках определенного понимания этики можно выстроить — и Михайловский активно прибегает к такого рода рассуждениям — иерархию этических воззрений: так, он постоянно говорит о степени развитости, выработанности этических воззрений, нравственного сознания. Однако при этом возникает теоретическая сложность, где нет полной проговоренности, но существуют весьма значимые альтернативы:

- ◇ во-первых, Михайловский изначально утверждает, что об общественных процессах можно судить по крайней мере из двух перспектив: «общества» и «неделимого»;
- ◇ во-вторых, и именно это является сложным сюжетом, своего рода естественная и в то же время должная точка зрения — последняя, то есть позиция индивида. Его идеал есть хоть и исторически обусловленный в конкретном проявлении, но вытекающий из человеческой природы — стремления к всестороннему развитию. В этом смысле каждый человек — и здесь можно увидеть прямую перекличку с проблематикой «эгоизма» 1860-х гг. — стремится прежде всего к собственному благу, и благо целого является для него инструментом, средством достижения собственного идеала — с точки зрения возможности, достижимости своего счастья он оценивает общество;
- ◇ в-третьих, у общества существует своя собственная логика развития, которая никаким образом не предполагает соответствия стремлениям индивида и всей совокупности индивидов.

Собственно, логики наибольшей производительности, эффективности и т. д. не являются автоматически соответствующими интересам большинства индивидов (или, возможно, всех вообще, если иметь в виду долгосрочную перспективу), поскольку здесь возникает два принципиальных сюжета:

- ◊ прежде всего, вопрос о распределении, поскольку общий рост производства отнюдь не предполагает сам по себе, что возрастает даже в абсолютных (не говоря уже об относительных) показателях доля большинства; самоценность роста производства независимо от распределения возможна лишь в том случае, если рассматривать «общество» как «неделимого». С этим тезисом связана радикальная критика органицистских построений в социальных науках со стороны Михайловского;
- ◊ второй сюжет уже относится к обоснованию важности более или менее равномерного распределения, поскольку речь идет не об обеспечении индивидов с точки зрения их выживания, а о получении возможности для «всестороннего развития», которое и является целью самих индивидов¹⁶.

Радикальное неприятие Михайловским любых вариантов «органицистских» теорий связано именно с тем конфликтом, который он фиксирует между дарвиновской теорией и выводами для социальной теории, возникающими при уподоблении общества «организму». Благом целого

¹⁶В этом плане Михайловский непосредственно продолжает критику капиталистического промышленного развития со стороны, напр., Сисмонди; и на эти параллели обратил внимание еще Струве, а вслед за ним и Ленин, посвятивший критике «экономического романтизма» большую статью, опубликованную в 1898 г. в «Новом Слове». Сисмонди писал: «Человек трудится, чтобы отдохнуть потом; он накапливает, чтобы тратить, он стремится к богатству, чтобы получать наслаждения. В настоящее время труд и наслаждение отделены друг от друга: отдыхает не тот самый человек, который раньше работал, но оттого, что работает один, другой имеет возможность отдыхать» (Сисмонд де Сисмонди, Кон, 1936: 179). И далее, в примечании к этому пассажи, уточняет свою мысль: «Отдых, о котором мы здесь говорим, есть перерыв в труде, имеющем целью создание богатства, его не следует смешивать с праздностью. Почти все, даже наиболее приятные для нас, физические упражнения перестают быть приятными, когда они производятся для заработка. [...] Нация накапливает для того, чтобы каждый индивид мог пользоваться досугом, необходимым для развития своих интеллектуальных сил, а также для того, чтобы отдельные лица, приближаясь к совершенству, могли таким образом содействовать облагораживанию человеческой природы. Если бы все члены нации работали, работали постоянно, цель богатства не была бы достигнута, так как не было бы досуга ни для наслаждений, ни для совершенствования человеческой природы; нация в этом случае, умножая свои материальные богатства, жертвовала бы целью ради средств» (там же: 179, прим. 1).

может оказаться то, что несет вред не только тем или иным индивидам, но и, собственно, человеческому как таковому, поскольку, рассматривая общество как организм (целое) и, в свою очередь, мысля его в логике совершенствования, индивиды оказываются функциональны: их специализация, односторонность оказываются в этом случае «совершенствованием», подобно тому, как специализация клеток в организме или специализация пчел и муравьев в улье и муравейнике соответственно мыслится как повышение уровня сложности организации. Совершенство максимально сложно устроенного общества, доведшего специализацию до возможного предела, никак не соответствует совершенству составляющих его людей — более того, под угрозой оказывается уже собственно человеческое.

И здесь логика Михайловского, вопреки названию «субъективная социология», будет заключаться именно в ссылке на общий порядок — «природу человека» и стремления индивида (см., напр.: Михайловский, 1896–1897: Т. 3, 376). На это будет направлено острие критики Плеханова (Бельтов [Плеханов], 1906: 108), правда, в этом случае не являющейся сокрушительной, поскольку Плеханов подчеркивает историчность человека, но эта историчность является принимаемой и самим Михайловским: он отсылает не к «идеалу человека» как некой данности, а к устремлениям самой «человеческой природы», реализующейся разнообразно и конкретно в соответствующих исторических обстоятельствах, т. е., говоря совсем элементарно, предпочтению свободы несвободе, восприятию как ущерба себе обращения себя в трудовую функцию и т. п.

Валицкий отмечал, что со временем

критика Михайловским общепринятого взгляда на прогресс стала еще более радикальной и обращенность его общественного идеала вспять стала еще более настойчивой. В статье «Что такое прогресс?» Михайловский еще делал некоторые оговорки относительно руссоистской критики цивилизации, пытаясь убедить своих читателей в том, что «золотой век человечества» — впереди. Но уже через несколько лет он прямо заявляет в одной из своих статей («О Шиллере и многом другом», 1876), что Руссо и Шиллер были правы, утверждая, что «золотой век» уже позади нас (Валицкий, 2013: 277–278).

И одновременно в этих же рамках меняется, как отмечает Валицкий, отношение Михайловского к средним векам: если в конце 1860-х средневековье для него описывается преимущественно черными красками в рамках просвещенческого мифа, то уже к середине 1870-х он начинает ценить многое в этом прошлом — например, гильдейское устройство

(см. подробнее: Валицкий, 2013: 278–279). В этом изложении, на наш взгляд, теряется многое существенное из мысли Михайловского: прежде всего, его несклонность где-либо искать именно «золотой век»¹⁷. Так, чтобы оценить действительную оценку Михайловским гильдий в середине 1870-х, полезно процитировать текст самого Михайловского в одной из ключевых статей этого времени «Борьба за индивидуальность» (1875–1876), включенной в цикл теоретических статей 1-го тома собрания сочинений (Михайловский, 1896–1897: Т. 1, 440):

Пока система наибольшего производства только освобождала личность, разбивая узы цехов и монополий, на нее возлагались всяческие надежды, а по мере того, как стал обнаруживаться ее двусмысленный характер, ее стремление заменить одни узы другими — надежды стали ослабевать. Старые узы оказались в некоторых отношениях сноснее новых, потому что они все-таки гарантировали личность от бурь и непогод. Явилась мысль применить их старые принципы к требованиям нового времени, причем, разумеется, совершаются и неудачные опыты, потому что дело предстоит нелегкое.

Собственно, именно в пояснении возникающей здесь коллизии Михайловский вводит разграничение «ступеню» / «степеню» и «типа» развития, охарактеризованного Струве как «остроумное» (Струве, 2020: 217). Так, Михайловский в 1875 г. пояснял это различие следующим образом (Михайловский, 1896–1897: Т. 3, 515):

Порядок, при котором большинство населения живет заработной платой, и порядок, при котором это большинство состоит из самостоятельных хозяев, принадлежит не к разным *ступеням*, а к различным *типам* развития.

Соответственно, настаивая, что сопоставление должно учитывать это различие и, собственно, оценивая с точки зрения стремлений, Михай-

¹⁷Сходным образом характеризует подход Михайловского А. В. Шубин, отмечая: «Он вообще не желает говорить об идеале, он предлагает вектор развития» (Шубин, 2007: 246). Примечательно, что в подтверждение этого тезиса можно привести цитату из статьи Михайловского в «Народной Воле», где он участвовал под псевдонимом «Гроньяр»: «Живите же настоящим, боритесь с живым врагом! [...] Предрассудок против политической борьбы вскормлен всей русской историей, причувшей нас жить не практикой настоящего, из которой самодержавие гонит всякую честную деятельность, а будущим, теорией и фантазией. Повторяю: достойнейшие люди заражены этой болезнью. Пора, давно пора выздороветь и понять, что политический непотизм выгоден только врагам народа. Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня в России. Этот завтрашний день не принесет разрешения социального вопроса. Но разве вы хотите завтра же сложить руки? Разве вы устали бороться? Верьте мне, что даже самое единодушное народное восстание, если бы оно было возможно, не даст вам опочить на лаврах и потребует нового напряжения, новой борьбы. Век живи, век борись!» (цит. по: Евгеньев-Максимов, 1927: 153)

ловский отмечает, что прежде всего важен тип. Руссоистский «дикарь» или средневековая «гильдия», согласно его мнению, не идеал и не «золотой век», но они представляют те типы человеческого существования, которые по крайней мере «в некоторых отношениях сноснее новых».

В своих суждениях Михайловский оказывается близок к Герцену 1850-х с его вопросом о человеческом типе, ярко проявившимся, например, в рассуждении о «On Liberty» Дж. Ст. Милля¹⁸. При этом в отличие от Герцена Михайловский далек от аристократического пренебрежения в адрес тех же голландцев — обычных людей (тот пафос исключительности, который в Герцене оказывался близок Константину Леонтьеву). Михайловский — человек, сформированный разночинческими шестидесятыми, и его основной вопрос связан не с исключительностью, а с возможностью человеческого достойного существования. Если для Герцена определяющими оказываются романтические образы и Шиллер для него прежде всего драматический автор, то для Михайловского ключевыми оказываются «Письма об эстетическом воспитании», антикизированный идеал патриархальной гармонии. И значимым оказывается не столько образ желаемого, идеального состояния — здесь, как мы и отмечали выше, Михайловский скептичен и высказывается в разное

¹⁸Напомним один фрагмент этой статьи: «Чтоб не ходить так далеко, как Китай, взгляните возле, на ту страну на Западе, которая наиболее отстоялась, — на страну, которой Европа начинает сесть, — на Голландию: где ее великие государственные люди, где ее великие живописцы, где тонкие богословы, где великие мореплаватели? Да на что их? Разве она несчастна оттого, что не мятется, не бушует, оттого, что их нет? Она вам покажет свои смеющиеся деревни на обсушенных болотах, свои выстиранные города, свои выглаженные сады, свой комфорт, свою свободу и скажет: „Мои великие люди приобрели мне эту свободу, мои мореплаватели завещали мне это богатство, мои великие художники украсили мои стены и церкви, мне хорошо, — чего же вы от меня хотите? Резкой борьбы с правительством? Да разве оно теснит? У нас теперь свободы больше, нежели во Франции когда-либо бывало“.

Да что же из этой жизни?

Что выйдет? Да вообще, *что* из жизни выходит? А потом — разве в Голландии нет частных романов, коллизий, сплетней? Разве в Голландии люди не любят, не плачут, не хохочут, не поют песни, не пьют скидама, не пляшут в каждой деревне до утра? К тому же не следует забывать, что, с одной стороны, они пользуются всеми плодами образования, наук и художеств, а с другой — им бездна дела: гранпасьянс торговли, меледа хозяйства, воспитание детей по образу и подобию своему; не успеет голландец оглянуться, обдосужиться, а уж его несут на „божью ниву“ в щегольски отлакированном гробе, в то время как сын уж запряжен в торговое колесо, которое необходимо следует беспрепятственно вертеть, а то дела останятся.

Так можно прожить тысячу лет, если не помешает какое-нибудь второе пришествие Бонапартова брата» (Герцен, 1957: 73–74).

время различным образом о его возможности и достижимости — сколько противоположный образ «муравейника» — общества, поглощающего индивида и специализирующего его.

В этом плане получается, что история сама по себе не ведет в нужном направлении, на нее нельзя положиться: быть на стороне преобладающего, двигаться в ту же сторону, в которую данный момент развивается процесс, — возможная позиция, но никак не дающая автоматической правоты. Вопрос о «прогессе» с точки зрения индивида и вопрос о том, куда движется история в данный момент, более того, в какую сторону развивается человечество, — два разных вопроса; в истории возможно не только замедление, приостановка — возможен общий регресс.

Ведь природа сама по себе говорит только о приспособлении к различным условиям и об изменении этих условий, которые преобразуют оценку «приспособленности», поскольку это лишь относительное понятие. «Наиболее приспособленные» к данному обществу, данному моменту времени человеческие типы отнюдь не тождественны желаемым, должным с точки зрения «субъективной социологии». И здесь нет нужды приводить отталкивающие примеры обличительной литературы: дворовой человек или крепостной крестьянин-земледелец, не только смирившиеся со своим положением, но и принявшие его как должное, оказываются как с точки зрения «приспособленности», так и с точки зрения эвдемонистической, переживаемого ими счастья или довольства своим положением, более благополучными по сравнению с теми, кто переживает свой крепостной статус как нечто недолжное. Поэзия патриархального быта предсказуемым образом имеет свое ограничение в представлении о человеческом идеале.

В итоге следует признать, что наиболее оригинальное содержание ранних теоретических построений Н. К. Михайловского оказалось слабо воспринято большей частью публики: он был по преимуществу прочитываем сквозь призму радикальных настроений, в связи с чем в последующем, в свою очередь, оказался обвиняем в отходе от прежних принципов. Соответственно, его публицистика воспринималась главным образом как политическое высказывание и обоснование соответствующей политической позиции, что во многом было справедливо и отчасти соответствовало и идеям, и воззрениям самого автора. Однако «выпадающим» элементом оказывалась собственно теоретическая составляющая — стремление Михайловского выстроить новую концепцию как преемственную по отношению к *шестидесятым*, так и критически преодолевающую слабые стороны расхожих воззрений тех лет.

В этом смысле он действительно оказался своеобразной фигурой «межвременья» в оптике радикализма между героическим порывом 60-х и новым подъемом конца 90-х — начала 1900-х, постепенно становясь не столько воплощением «семидесятых», где он считается лишь одним из авторов, к тому же воспринимающихся все-таки как намного менее авторитетный в сравнении с Бакуниным и Лавровым, сколько уже «восьмидесятых». Гораздо более важным препятствием к интересу к собственно теоретическому наследию Михайловского стал кризис идеи «русского социализма», обозначившийся прежде всего в ситуации голода 1891 г.

Разрыв между миром природы и миром человека, невозможность непосредственного перенесения на общество биологических закономерностей важны как для Михайловского, так и для его аудитории своим в том числе непосредственным политическим звучанием — утверждением не-необходимости общего пути социально-экономического и политического развития со странами Западной и Центральной Европы, Америки. Если мир природы не знает целей, если только для человеческого мира существует целеполагание, то история имеет этическое измерение и, как оборотная сторона того же тезиса, история предполагает свободное человеческое усилие.

Для самого Михайловского разочарование в русской общине как зародыше некой особой исторической формы наступает довольно рано — так, уже в «Литературных заметках» в сентябрьском номере «Отечественных записок» за 1880 г. он пишет (Михайловский, 1896–1897: Т. 4, 952):

...ради одной возможности, в которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства. Мы верили, что Россия может проложить себе новый исторический путь, особый от европейского, причем опять-таки для нас важно не то было, чтобы это был какой-то национальный путь, а чтобы он был путь хороший, а хорошим мы признавали путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа. Предполагалось, что некоторые элементы наличных порядков, сильные либо властью, либо своей многочисленностью, возьмут на себя почин этого пути. Это была возможность. Теоретической возможностью она остается в наших глазах и до сих пор. Но она убывает, можно сказать, с каждым днем.

Соответственно, для социалистов-революционеров, ставших основными политическими наследниками русского народничества, характерен отказ от универсалистской оптики: обсуждение политических,

социальных и экономических перспектив русской деревни, путей и направлений эволюции сельского хозяйства для них и близких к ним мыслителей утрачивает тесную, непосредственную связку с обсуждением вопросов общей социальной эволюции человечества. А для русских социал-демократов, сохраняющих в качестве непосредственной универсальную перспективу, способом осмысления реальности оказывается переживание слияния с общим ходом истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельтов, Н. [Плеханов, Г. В.]* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареву и Ко. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1906.
- Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). — М. : ПРОБЕЛ-2000, 2004а.
- Блохин В. В.* На переломе, 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века : Исторические этюды. — М. : Изд-во Российского университета дружбы народов, 2004б.
- Блохин В. В.* Жандарм литературной республики. Н. К. Михайловский : Жизнь, литература, политическая борьба. — М. : Весь мир, 2019.
- Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма : пер. с англ. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013.
- Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. — М. : Наука, 1979.
- Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. — М. : Прогресс-Традиция, 1999.
- Герцен А. И.* Былое и думы. Части VI–VIII // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 10. — М. : Издательство АН СССР, 1957.
- Дрыжакова Е. Н.* Герцен на Западе. В лабиринте надежд, славы и отречений. — СПб. : Академический проект, 1999.
- Евгеньев-Максимов В. Е.* Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. — М. : Государственное издательство, 1927.
- Елисеев Г. З.* Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину / под ред. И. Р. Эйгеса, Я. Е. Эльсберга, Н. Л. Мещярковой. — М. : Изд-во Всесоюзной Библиоим. Ленина, 1935.
- Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 2 / под ред. И. Е. Задорожнюка, Э. Г. Лаврик. — М. : Республика, ТЕРРА, 1997.
- Интеберг Б. С.* Движение революционного народничества : Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX века. — М. : Наука, 1965.
- Лавров П. Л.* Философия и социология. В 2 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1965.

- Люблинский С. Б.* Подвижники книги : Е. Н. Водовозова, Л. Ф. Пантелеев, А. М. Калмыкова, О. Н. Попова, М. И. Водовозова. — М. : Книга, 1988.
- Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. — Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1972.
- Мартов Ю. В.* Записки социал-демократа / под ред. П. Ю. Савельева. — М. : РОССПЭН, 2004.
- Михайловский Н. К.* Сочинения Н. К. Михайловского : в 6 т. — СПб. : Издание редакции журнала «Русское Богатство», 1896–1897.
- Пирумова Н. М.* Александр Герцен — революционер, мыслитель, человек. — М. : Мысль, 1989.
- Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. — М. : Наука, 1990.
- Плеханов Г. В.* Литературное наследие Г. В. Плеханова / под ред. П. Ф. Юдина, И. Д. Удальцова, Р. М. Плехановой. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
- Розанов В. В.* Уединенное / под ред. А. Н. Николокина. — М. : Политиздат, 1990.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 10. Во дворе язычников / под ред. А. Н. Николокина. — М. : Республика, 1999.
- Симонд де Сисмонди Ж.-Ш.-Л.* Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению. В 2 т. Т. 1 / пер. с фр. А. Ф. Кона. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
- Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. — М. : Аграф, 2001.
- Струве П. Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России (1894). Приложение : Воспоминания, революционные и марксистские труды П. Б. Струве 1890-х гг. Новое собрание / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2020.
- Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868–1884). История журнала. Литературная критика : воспоминания, революционные и марксистские труды П. Б. Струве 1890-х гг. Новое собрание. — Южно-Сахалинск : Хабаровский гос. пед. институт, 1966.
- Тесля А. А.* Русские беседы: уходящая натура. — М. : РИПОЛ классик, 2018.
- Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век» теории. — М. : Новое литературное обозрение, 2007.
- Щипанов И. Я.* Философия и социология русского народничества. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Юнкер Т., Хоссфельд У.* Открытие эволюции : Революционная теория и ее история / пер. с нем. И. Ю. Попова. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007.
- Billington J. H.* Mikhailovsky and Russian Populism. — Oxford : O. U. P., 1958.
- Venturi F.* Il populismo russo : in 2 voll. — Torino : Einaudi, 1952.
- Venturi F.* Roots of Revolution : A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia / trans. from the Italian by F. Haskell. — New York : Alfred A. Knopf, 1961.

Teslya, A. A. 2021. "Osnovopolozheniya teorii N. K. Mikhaylovskogo [The Foundations of N. K. Mikhailovsky's Theory]: formirovaniye 'sub'yektivnoy sotsiologii', konets 1860-kh – seredina 1870-kh godov [Formation of 'Subjective Sociology', Late 1860s – Mid-1870s]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (2), 55–78.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR
RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC
FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2437-5002

THE FOUNDATIONS OF N. K. MIKHAILOVSKY'S THEORY FORMATION OF "SUBJECTIVE SOCIOLOGY", LATE 1860S – MID-1870S

Submitted: May 29, 2021. Reviewed: June 15, 2021. Accepted: June 15, 2021.

Abstract: Nikolai Konstantinovich Mikhaylovsky (1842–1904) is one of the most well-known and influential Russian publicists of the last third of the 19th and the beginning of 20th century, ideologist of the Narodniki movement, the author of the conception known as "subjective sociology" and the editor of journal *Russian wealth* at the end of his life. Yet, while his role in the history of Russian social movement or literary-aesthetic views have been quite fully studied, his social theory has rarely become the object of the special analysis during the last century. On the one hand, it was shadowed by the theories which appeared earlier and had more influence even abroad (outside the Russian empire) as, for example, the ideas of Herzen, Bakunin, Chernyshevsky, Lavrov. On the other hand, Mikhaylovsky, who was severely criticized by Russian social democrats in 1894–1901, was perceived as a rather weak theorist. In this article, we demonstrate the essential differences between the early conceptual advances of Mikhaylovsky and P. L. Lavrov and assert that the conception of the former was influenced both by the rethinking of the Darwinism from a viewpoint of understanding of nature and by the conclusions for social theory. Unlike Lavrov, Mikhaylovsky, as well as Herzen, was an advocate of non-teleological understanding of progress and favored the interpretation of history as logical yet free from strict determinism. In conclusion, Mikhaylovsky's opinion about the society, which was formed at the end of 1860s – first quarter of 1870s, appears as a quite consistent and elaborated system, an answer to the theoretical challenges. Firstly, on the part of the Darwinism and the attempt to apply it to the analysis of the society. Secondly, on the part of the organicism. Lastly, we give an interpretation to the decline of the public interest to the social theory of Mikhaylovsky at the end of the 19th – beginning of 20th century.

Keywords: Darwinism, Narodnichestvo, Organicism, Subjective Sociology, Progress Theory, Social Darwinism, the History of Russian Sociology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-55-78.

REFERENCES

- Bel'tov N. [Plekhanov G. V.] 1906. *K voprosu o razvitií monisticheskogo vzglyada na istoriyu. Otvet gg. Mikhaylovskomu, Karevu i Ko [On the Development of a Monistic View of History. Reply to Messrs. Mikhailovsky, Karev and Co]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. t-va "Obshchestvennaya Pol'za".
- Billington, J. H. 1958. *Mikhailovsky and Russian Populism*. Oxford: O. U. P.
- Blokhin, V. V. 2004a. *Istoricheskaya kontseptsiya Nikolaya Mikhaylovskogo (k analizu mirovozzreniya rossiyskoy narodnicheskoy intelligentsii XIX veka)* [The Historical Con-

- cept of Nikolai Mikhailovsky (to the Analysis of the Worldview of the Russian Populist Intelligentsia of the XIX Century)) [in Russian]. Moskva [Moscow]: PROBEL-2000.
- . 2004b. *Na perelome, 1881–1904. N. K. Mikhaylovskiy v ideyno-politicheskoy bor'be v 80–90-ye gody XIX veka [At the Turning Point, 1881–1904. N. K. Mikhailovsky in the Ideological and Political Struggle in the 80–90s of the XIX Century]: Istoricheskiye etyudy [Life, Literature, Political Struggle]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov.
- . 2019. *Zhandarm literaturnoy respubliki. N. K. Mikhaylovskiy [Gendarme of the Literary Republic. N. K. Mikhailovsky]: Zhizn', literatura, politicheskaya bor'ba [Life, Literature, Political Struggle]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ves' mir.
- Dryzhakova, Ye. N. 1999. *Gertsen na Zapade. V labirinte nadezhd, slavy i otrencheniy [Herzen in the West. In a Maze of Hopes, Glories, and Renunciations]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Akademicheskii proyekt.
- Gertsen, A. I. 1957. "Byloye i dumy. Chasti VI–VIII [The Past and the Thoughts. Parts VI–VIII]" [in Russian]. In vol. 10 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Intebergb, B. S. 1965. *Dvizheniye revolyutsionnogo narodnichestva [The Movement of Revolutionary Populism]: Narodnicheskiye kruzhki i "khozhdeniye v narod" v 70-kh godakh XIX veka [Narodnik Circles and "Going to the People" in the 70s of the XIX Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Ivanov-Razumnik, R. V. 1997. [in Russian]. Vol. 2 of *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysl'i [History of Russian Social Thought]*, ed. by I. Ye. Zadorozhnyuk and E. G. Lavrik. 3 vols. M.: Respublika / TERRA.
- Junker, Th., and U. Hoßfeld. 2007. *Otkrytiye evolyutsii [Die Entdeckung der Evolution]: Revolyutsionnaya teoriya i yeye istoriya [Eine revolutionäre Theorie und ihre Geschichte]* [in Russian]. Trans. from the German by I. Yu. Popov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo SPbGU.
- Lavrov, P. L. 1965. [in Russian]. Vol. 2 of *Filosofiya i sotsiologiya [Philosophy and Sociology]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Lyublinskiy, C. B. 1988. *Podvizhniki knigi [Ascetics of the Book]: Ye. N. Vodovozova, L. F. Panteleyev, A. M. Kalmykova, O. N. Popova, M. I. Vodovozova [E. N. Vodovozova, L. F. Panteleev, A. M. Kalmykova, O. N. Popova, M. I. Vodovozova]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Makarov, V. P. 1972. *Formirovaniye obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov N. K. Mikhaylovskogo [Formation of Social and Political Views of N. K. Mikhailovsky]* [in Russian]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta.
- Martov, Yu. V. 2004. *Zapiski sotsial-demokrata [Notes of the Social Democrat]* [in Russian]. Ed. by P. Yu. Savel'yeva. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Mikhaylovskiy, N. K. 1896–1897. *Sochineniya N. K. Mikhaylovskogo [Works of N. K. Mikhailovsky]* [in Russian]. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye redaktsii zhurnalna "Russkoye Bogatstvo".
- Pirumova, N. M. 1989. *Aleksandr Gertsen — revolyutsioner, myslitel', chelovek [Alexander Herzen — Revolutionary, Thinker, Man]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1990. *Sotsial'naya doktrina M. A. Bakunina [The Social Doctrine of M. A. Bakunin]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Plekhanov, G. V. 1937. *Literaturnoye naslediyе G. V. Plekhanova [The Literary Legacy of G. V. Plekhanov]* [in Russian]. Ed. by P. F. Yudina, I. D. Udal'tsova, and R. M. Plekhanovoy. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.

- Rozanov, V. V. 1990. *Uyedinennoye [Private]* [in Russian]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- . 1999. *Vo dvore yazychnikov [In the Court of the Gentiles]* [in Russian]. Vol. 10 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikolyukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Shchipanov, I. Ya. 1983. *Filosofiya i sotsiologiya russkogo narodnichestva [Philosophy and Sociology of Russian Populism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Shubin, A. V. 2007. *Sotsializm. "Zolotoy vek" teorii [Socialism. The "Golden Age" of the Theory]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Simonde de Sismondi, J.-Ch.-L. 1936. [in Russian]. Vol. 1 of *Novyye nachala politicheskoy ekonomii ili o bogat-stve v yego otnoshenii k narodonaseleniyu [Nouveaux prin cipes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population]*, trans. from the French by A. F. Kon. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- Skabichevskiy, A. M. 2001. *Literaturnyye vospominaniya [Literary Memoirs]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Agraf.
- Struve, P. B. 2020. *Kriticheskiye zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitií Rossií (1894). Prilozheniye [Critical Notes on the Economic Development of Russia (1894). Appendix: Vospominaniya, revolyutsionnyye i marksist-skiye trudy P. B. Struve 1890-kh gg. Novoye sobraniye [Memoirs, Revolutionary and Marxist Works of P. B. Struve in the 1890s. New Meeting]* [in Russian]. Ed. by M. A. Kolerov. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Teplinskiy, M. V. 1966. *"Otechestvennyye zapiski" (1868–1884). Istoriya zhurnala. Literaturnaya kritika ["Domestic Notes" (1868–1884). History of the Magazine. Literary Criticism]* [in Russian]. Yuzhno-Sakhalinsk: Khabarovskiy gos. ped. institut.
- Teslya, A. A. 2018. *Russkiye besedy: ukhodyashchaya natura [Russian Conversations: The Leaving Nature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Venturi, F. 1952. *Il populismo russo* [in Italian]. 2 vols. Torino: Einaudi.
- . 1961. *Roots of Revolution [Radici della rivoluzione]: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia [Una storia dei movimenti populistici e socialisti nella Russia del 19 secolo]*. Trans. from the Italian by F. Haskell. New York: Alfred A. Knopf.
- Vilenskaya, E. S. 1979. *N. K. Mikhaylovskiy i yego ideynaya rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-kh – nachala 80-kh godov XIX veka [N. K. Mikhailovsky and His Ideological Role in the Narodnik Movement of the 70s – Early 80s of the XIX Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vorontsov, N. N. 1999. *Razvitiye evolyutsionnykh idey v biologii [Development of Evolutionary Ideas in Biology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- Walicki, A. 2013. *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma [A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
- Yeliseyev, G. Z. 1935. *Pis'ma G. Z. Yeliseyeva k M. Ye. Saltykovu-Shchedrinu [Letters of G. Z. Eliseev to M. E. Saltykov-Shchedrin]* [in Russian]. Ed. by I. R. Eyges, Ya. Ye. El'sberg, and N. L. Meshcharkova. Moskva [Moscow]: Izd-vo Vsesoyuznoy Bibl. im. Lenina.
- Yevgen'yev-Maksimov, V. Ye. 1927. *Ocherki po istorii sotsialisticheskoy zhurnalistiki v Ros-sii XIX veka [Essays on the History of Socialist Journalism in Russia of the XIX century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.